

A portrait of a man in a dark suit and light shirt, looking directly at the camera. The background is a vibrant, abstract composition of colors (red, green, blue, orange) with a starry, cosmic texture. A faint, glowing figure with large, feathered wings is visible behind him.

СЕРГЕЙ ЛАГУТИН

**ПОИСК СИЛЫ.
ПОЗНАВАЯ ВСЕ ГРАНИ РЕАЛЬНОСТЕЙ**

18+

Сергей Лагутин

Поиск силы. Познавая все грани реальностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336078

SelfPub; 2024

Аннотация

Сергей родился в одном из крупных городов Сибири в эпоху СССР, и с самого детства обращает внимание на события, которые часто остаются «за кадром». И, невольно сам часто погружается в круговорот жизни, где-то с удивительными и счастливыми событиями, а где-то касаясь и той самой грани, которая отделяет жизнь от смерти. Закончившееся детство в 10 лет в середине 80-х годов в очереди за квасом. Когда весь мир и его понимание переворачивается «с ног на голову» за считанные минуты. Мысли о себе, об окружающих людях. О том, почему именно так живут люди. И опыт, получаемый зачастую из самой «гущи событий». Первые победы, в том числе над собственным недугом. Понимание, что ты сам можешь менять свою жизнь. И... бездыханное тело собственного ребенка, когда от внутреннего крика лопаются барабанные перепонки. Что важно, а что нет? В этой книге каждый найдет для себя тот или иной ответ...

Содержание

Введение	7
Начало	10
Деньги, норма и мораль	17
Хулиган	21
Первый бизнес	27
Куда уходит детство	33
Задачи	40
Мечты	47
Самбист	51
«Друзья»	56
Урок	62
Студент	70
Менеджер	80
Охрана	85
Борисыч	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Лагутин

Поиск силы. Познавая все грани реальностей

«К человеку обратился ангел:

– Хочешь, я покажу тебе твою жизнь?

– Хочу, – сказал человек.

Ангел поднял его над землей и человек увидел всю свою жизнь и две пары следов, идущих рядом...

– Кто это рядом со мной?

– Это Я сопровождаю тебя всю твою жизнь.

– А почему иногда видна только одна пара следов?

– Это самые трудные периоды твоей жизни... – говорит ангел.

– И что же, ты бросал меня в самые трудные минуты?

– Нет, я нес тебя на руках... – тихо ответил ангел».

Пусть ваши ангелы всегда будет рядом!

В том числе через людей, которые вас окружают!

ПОСВЯЩАЕТСЯ

– маме, научившей меня честности и доброте;

- отцу, научившему меня трудолюбию, спокойствию и любви к природе;
- близким и детям, помогающим центровать жизнь, и всегда, когда судьба бросает вызов, отвечать на вопрос «ради кого?», заново собираться с силами и продолжать свой путь;
- руководителю в аспирантуре и другу Половинко Владимиру Семеновичу, поверившему в меня при поступлении и научившему «спокойному и философскому» подходу к жизни;
- бывшему руководителю по работе, другу и наставнику по жизни Онину Ивану Анатольевичу, научившему меня структурированности и дисциплинированности;
- соратнику по общественной деятельности и патриоту Омска Николину Илье Владимировичу, ставшему для меня наставником и партнером;
- наставнику и руководителю Чернышеву Олегу Анатольевичу, показавшему мне, как уже много сделано для возвращения нашей стране её истинного значения на мировой арене, и как много еще предстоит сделать в будущем;
- другу Скачкову Константину Валерьевичу, открывшему для меня мир публицистики и публичных выступлений;
- другу и ментору Андреевой Ирине Владимировне, открывшей меня через «утренние страницы», встречи и беседы, когда из «изрубцованного шрамами жизни солдата» стал проявляться человек по имени Я;
- наставнику в части общественной деятельности и другу

Ананьеву Олегу Николаевичу, давшему мне зеленый свет на участие в общественном движении;

– другу ресторатору Хомицкому Василию Алексеевичу, человеку, на которого всегда можно положиться, как на самого себя;

– другу и единомышленнику общественному деятелю и публицисту Кондакову Сергею Павловичу, искренне переживающему за все мои чаяния и мечты;

– другу и адвокату Антонову Антону Александровичу, помогавшему выстоять перед беспределом отдельных работников и сбоями административной системы;

– внутреннему Я, соединившемуся в 46 лет с мечущимся в сегодняшнем мире человеком по имени Сергей Лагутин в осознании своего «ПОЧЕМУ» – СДЕЛАТЬ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР ЛУЧШЕ и ПРОЩЕ, НАЧАВ С СЕБЯ!

И, конечно же, Саймону Синеку, как в то самое раннее декабрьское утро 2021 года, когда была дочитана замечательная книга «НАЧНИ С ПОЧЕМУ», заставившая меня не раз искренне прослезиться и о многом задуматься.

И всем другим как необыкновенным людям, оставившим след в истории, так и единомышленникам, встретившимся на моем жизненном пути и сделавшим меня человечнее и мудрее.

Введение

«Не усложняй!»

Фраза, зачастую воспринимаемая нами как вырванная из семейной ссоры, несет огромный скрытый смысл.

Побывав на том свете, увидев то, что, наверное, принято называть раем, и вернувшись обратно, многие окружавшие меня вещи и процессы стал считать бесполезными или мелкими, а саму жизнь – игрой со счастливым или несчастливым финалом, имеющей своих героев и злодеев.

Когда то же самое происходит на твоих глазах с твоим ребенком, начинаешь понимать, насколько зыбко наше существование и насколько важны многие мелочи и детали. И начинаешь верить в чудо, в мечты, в людей, которые нас окружают и от которых зачастую очень многое зависит...

И, как следствие, начинаешь видеть то, на что абсолютное большинство уже с раннего детства привыкло закрывать глаза – всеобщее уныние, депрессия, агрессивность, антиокультуривание на фоне вечной суеты.

И неважно, чем заканчивается жизненный путь огромного числа людей: в старости и в духовном или физическом одиночестве с бокалом дорогого виски у камина в собственном элитном особняке или со стаканом дешевой бормотухи на основе метилового спирта в окружении таких же бездомных бедняг у железной бочки с согревающим костром...

Дети, не получающие внимание и заботу родителей, и родители, забытые детьми. Великие компании, созданные великими людьми и превратившиеся в монстров, своего рода будущие корпорации Umbrella Corporation «Амбрелла» из знаменитого фильма «Обитель зла», которых уже никто не помнит и не понимает, зачем они создавались. А их создатели еще при жизни бросают свое детище на съедение золотому тельцу. Миллионы людей, с яростью бросающиеся и бросаемые в смертельные схватки в бесконечных войнах.

Ради чего? И так было всегда...

А сейчас?

В интересное время мы живем.

Современный цивилизованный мир, почитающий новых «богов» – деньги, статус, карьеру, время, «демократию», – запутавшийся в теориях, мнениях и ценностях.

Да, у нас уже есть сверхсовременное оружие, врачи-нанороботы, искусственный интеллект и многие другие атрибуты будущей сверхчеловеческой жизни... и ЛИЦЕМЕРИЕ, как никогда проникшее в нашу личную и общественную жизнь, в политику и экономику.

И мы все чаще говорим о неминуемых техногенных и экологических катастрофах, МАТРИЦЕ, мировом правительстве, мировом заговоре и мировом же геноциде и прочих ужасах, которые сами же и порождаем своим невежеством, самолюбием, ленью и сиюминутной алчностью.

Что это – запутанность мыслей и ценностей, страх перед

неизвестностью, край пропасти или следующая ступень развития человечества?

Может быть, как раз на фоне этих политических, экономических и экологических дисбалансов в настоящее время особо заметно, что люди рано или поздно начинают поиск самих себя, смысла жизни и своей роли в окружающем мире и сообществе.

И их становится все больше.

Кто они – мечтатели, идеалисты, прагматики, общественники?

Или новая общность с новым «экологичным» и интуитивно-дальновидным мышлением, я бы даже сказал – возможные нынешние и будущие «проводники» человечества на новую ступень эволюции...

Начало

*Придя из ниоткуда – уходим в никуда,
и лишь наш жизни путь меняется всегда
У тех, кто сам его меняет...*

Мне посчастливилось родиться в многодетной (у родителей было пятеро детей), простой, но ударной советской семье. Мама – учитель с большой буквы, отец – сварщик, специалист с золотыми руками. Родители стали для нас яркими примерами человечности, доброты, трудолюбия.

Я был обычным открытым и активным ребенком. Познавал мир, расспрашивая обо всем подряд отца в редкие часы, которые проводил вместе с ним. Я разглядывал растения, насекомых, птиц и животных, наблюдая за их жизнью и поведением, а на рыбалке мог часами смотреть в ночное небо, когда все спали.

Зачастую, загулявшись на пойме Иртыша, немного терял контроль над временем, обходя «свои» озерки и ручейки от разливов реки, где я периодически ловил рыбу – удочкой, импровизированной «накрывашкой», по сути любым глубоким металлическим ведром с выбитым дном, или просто руками.

Выбрасывая рыбу на берег, а потом думая, как же её нести домой.

В найденном пакете или куске тряпки, случайно брошенными непутевыми туристами.

В собственной кофте с завязанными рукавами, принеся за спиной увесистый «мешок», а потом «получая люлей» дома от мамы за долго отстирываемую кофту, когда меня отчитывали за небрежное отношение к вещам.

Но это делалось с такою добротой и доходчивостью, что было не наказанием, а примером бережного отношения к окружающим нас вещам и труду других людей.

Иногда я заходил в небольшие лески ближе к оврагу пость ежевики, съедобные корни трав или кустарников, другие дикие плоды или ягоды.

Сложнее было с водою.

Ища хоть что-то похожее на родники или свежую дождевую воду в углублениях деревьев или камней, бросал туда ветки с листьями припасаемой черемухи и ждал, пока вода немного продезинфицируется, чтобы попить.

Частенько собирал разные травы, засушивая их дома и настаивая чай.

В том числе подбирая под себя в случае каких-то болезней.

Видимо, в какой-то из прошлых жизней все же был опыт врачевания теми средствами, что нам дает природа...

А звук отцовского мотоцикла, когда батя выезжал за мною, а я сразу выходил на ближайшую дорогу или поляну!

Ведь не было ни сотовых телефонов, ни еще каких-то

средств связи.

И этот добрый взгляд, когда отец смотрел на меня, девятилетнего пацана в люльке мотоцикла по дороге домой, уплетающего за обе щеки свежий батон или ванильные пряники, запивая все это молоком.

Потому что он тоже умел радоваться – тому что сын опять нашелся «сам» и его не пришлось искать по всему поселку или близлежащим лесам.

Ведь я всегда говорил, в каком направлении я буду!

Тому, как я жадно ел еду, заботливо каждый раз привозимую им с собою. Или моим радостным рассказам, какую живность я видел сегодня.

А его слова одобрения, когда я с довольным видом забрасывал с собою пакет с недавно пойманной рыбою.

Ведь я был добытчиком!

С мамою было немного «сложнее», потому что она всегда просила точно сказать, где я буду, и когда вернусь домой.

Но если мама забывала или не успевала взять с меня слово гулять во дворе, я отрывался на всю катушку, бросая в кастрюлю на костре найденные с ребятами на стрельбище боевые патроны и прыгая от счастья, когда та взлетала в воздух с очередным пулевым отверстием.

С животным страхом полз на животе к берегу по расходившемуся льду Иртыша, плавал на льдинах на озере, тонул, горел, распарывал себе живот толстыми гвоздями, сорвавшись с забора.

Из последних сил доходил домой, волоча ногу, после дворовой игры в хоккей и последующей драки, в которой клюшку сломали о мое колено, отчего к вечеру оно сначала посинело, а потом побагровело.

Каждый раз, сам обрабатывая раны, штопая одежду, пока родителей не было дома, суша в подъезде зимнее пальто и остальную одежду, когда я чуть не утонул в незакрытом уличном колодце, провалившись сквозь тонкий осенний лед.

Потому что они всегда работали, с детства показывая нам своим трудолюбием, что очень важно нести ответственность за свою семью и своих детей.

И так не хотелось их расстраивать.

Но в целом это было обычное беззаботное советское детство, когда дети гуляли в любых местах и в любое время, и никто особо не слышал о наркоманах, маньяках, педофилах и похищениях детей.

Когда ключи от дома клали под коврик, а в дверях оставляли записку, где они; когда в частных домах люди, уходя, не закрывали на замок, а чтобы знали, что никого нет – ставили метлу, лопату или другой предмет к входной двери.

Когда родители оставляли детей дома с малых лет одних или под присмотром соседей из других квартир, потому что не выплачивали пособия на детей и не ждали, когда пройдет трехлетний декрет.

Когда в большинстве своем советские дети не видели и малой части того, что видят дети нашего времени.

Но это было хорошее время.

И да, мы все жили в великой стране!

Правда, уже тогда начали бросаться в глаза некоторые «особенности» окружающих. Когда происходили ситуации – «сбои» в жизни простых людей.

Как, например, инцидент на прогулке в садике.

Тогда я пятилетний, находясь рядом с двумя забияками из группы, оказался вне поля зрения воспитательницы, заболтавшейся со своей коллегой.

А дальше все произошло, как в случае, когда вы идете по улице и пересекаетесь со сворой бездомных собак, на первый взгляд милых и симпатичных. Но среди них всегда оказываются одна-две, которые так и ждут, чтобы кого-нибудь облаять или укусить.

Так получилось и здесь.

Забияки начали агрессивные нападки, а часть ребят, в том числе девчат рядом, присоединились к ним и взяли меня в полукольцо. Молча отступая и упершись спиной в забор, я почувствовал страх, а в голове уже прокручивались варианты: убежать некуда, закричать, «как девчонка», стыдно, драться – бессмысленно. Помогла сломанная деревянная штакетина под ногами: быстро схватив ее и сделав шаг навстречу противникам, тихо, чтобы не услышали воспитатели за верандой, сказал: «Кто подойдет, ударю по голове». Дальше все произошло мгновенно: дети бросились врассыпную, кто-то завизжал, забияки как-то сразу съежились и тоже убе-

жали...

С подобной ситуацией я столкнулся уже лет в 25, когда сотрудников энергетической компании, где я работал, попросили разнести по квартирам г. Омска вместе с квитанциями за электроэнергию агитирующие листовки за Анатолия Чубайса.

Идя по улице быстрым шагом, я стал догонять большую свору дворовых собак в 30–40 хвостов.

Все было мирно, пока чуть не задел отстающую шавку, и она, перепугавшись, поджала хвост, рванула в сторону и гавкнула.

За долю секунды его обступили полукольцом кидаящиеся собаки, отпихиваться было бы бесполезно, и порванными штанами дело бы не закончилось.

Реакцией стал крик-рык, приседание на корточки и мгновенная «раздача» вкруговую портфелем (в котором лежали почти пять килограммов квитанций и листовок).

Несколько собак отлетело в сторону, остальные заскулили и рванули врассыпную.

А дальше – опять полная идиллия: свора тихо бежит впереди, только переместившись в сторону, чтобы их путь не пересекался с человеческим, и парень с портфелем, отряхнувшись, идет по домам...

На крик прибежали воспитатели и нянечки. Сказать, что очень попало, это не сказать ничего.

Все ругали меня, а потом поставили в угол в наказание.

И никто не захотел слушать мои оправдания.

Ведь это у МЕНЯ в руках была палка!

Так и закрепились за мной – сначала в саду, а потом в школе – репутация хулигана, когда сначала в октябрюта, а уже потом и в пионеры меня принимали не со всеми, а намного позже. Видимо, чтобы я сделал выводы над своим поведением.

Деньги, норма и мораль

*Цена и ценность —
Что важней?*

Большинство из нас уже прожили непростую жизнь, продолжая строить планы на будущее или окончательно запутавшись в настоящем, неоднократно встречая на своем пути и счастье, и горе. Иногда все же радуясь ясному небу, первой улыбке своего ребенка и прочим, казалось бы, мелочам, которым мы так часто не придаем большого значения.

И постоянно разменивая жизнь на что-то «очень важное» – будь то изучение литературы формата «КАК ЗАРАБОТАТЬ МИЛЛИОН», отслеживание скидок на последнюю модель iPhone или постоянные попытки стать инвестором/акционером/партнером нового «суперпроекта» на последние деньги.

Чего только стоит прогремевшая в свое время по всему постсоветскому пространству история с МММ – крупнейшей в России [финансовой пирамиды](#), организованной [Сергеем Мавроди](#).

А персонаж рекламной кампании МММ в 1994 году – Лёня Голубков?

Он получил звание «Человек года», обогнав даже действующего президента РФ Бориса Ельцина.

Деньги, деньги, деньги...

Когда люди думают, что их «делают», в то время как происходит совсем наоборот...

Рассматривая шоколадные конфеты и газировку (кстати, советская газированная вода, по которой у многих до сих пор осталась глубокая ностальгия, была произведена на полностью натуральных компонентах), я, семилетний мальчишка, крутился в продовольственном магазине.

В одном из отделов стояла небольшая очередь из восьми-девяти человек.

И у одного из стоявших под ногами я увидел пятирублевую купюру – ОЧЕНЬ большая сумма для простых ребят в то время.

– Дяденька, у вас деньги упали!

Довольно хорошо одетый, статный и солидный мужчина.

Был.

До моих слов, искренне уверенного, что валяющиеся на полу деньги уронил он.

Глазки забегали, спинка согнулась, ножки зашаркали.

И голос сразу стал каким-то гнусным:

– Мальчик спасибо... иди отсюда...

Не его это были деньги, не его...

Тогда, наверное, и пришло первое понимание того, что деньги, когда ты их украл, утаил, присвоил, получил неоправданно, очень часто в мгновение ока меняют сущ-

ность человека, вытаскивая наружу все самое мелочное, гнусное и низменное.

И неважно, какая сумма.

Важен личный подход человека и обстоятельства.

И воспитание родителей и общества, закладывающее базовые основы нормы и морали.

Вы все часто замечаете, как по-разному воспринимается норма.

Еда, семья, времяпровождение, развлечения.

Да, есть статус, финансовые возможности или современные тренды.

Кто-то живет и строит бизнес на сборе и сортировке, выброшенной в мусор и зачастую пропавшей еды в Мумбае, продавая местный стритфуд жителям или непривередливым туристам.

А кто-то, получая неосновательное обогащение за счет страданий миллионов других людей, не может жить, не балуя себя любимого деликатесами из редких животных, занесенных в Красную книгу.

Кто-то заводит семью, рождает и воспитывает детей, а кто-то считает это самым страшным злом на земле.

Норма и извращения в разных народностях и культурах зачастую меняются местами.

У одних мальчик является будущим отцом, защитником семьи и Отечества, а у других – просто более «ликвидным» и дорогостоящим телом, чем девочка для удовлетворения

местных «элит» или заезжих секс-туристов.

И зачастую еще в детском возрасте!

Это что – норма, примирение, временное помутнение разума или подсознательное бегство большинства людей от собственных грехов через пропускание мимо глаз подобных крайностей и извращений?

Мужчина и женщина, гласность и демократия, семья и дети... добро и зло.

Нельзя ставить прихоть, отклонения или особенность меньшинства главнее интересов большинства.

И тем более с ними мириться, если это несет в себе страдания или смерть для большинства других людей.

И это не призыв к каким-то действиям и тем более агрессивным.

Вовсе нет.

Я через эту книгу только призываю обратить внимание на отклонения, и предубеждения, с которыми живет большинство из нас.

И на путь, с которого на самом деле нужно начинать, когда зачастую собственное эго или стереотипы прошлого не позволяют нам продвинуться дальше.

Раз за разом повторяя прежние ошибки, или еще хуже – просто опустив руки и ничего не делая.

Начав с «погружения в себя»...

Хулиган

*Тот парень, что был весел и счастлив
Среди людей, и от того, что просто жив,
Но взявший в руку палку,
Чтоб отпугнуть собаку,
С оскалом подходящую к нему.*

Во втором классе произошел нехороший инцидент с другом, которого тоже звали Сергей.

По крайней мере, тогда я считал его другом.

Бегая по улице и играя около его дома, мы начали перебрасываться какими-то шишками и прочим мелким мусором. Смех, уворачивания, было весело.

До тех пор, пока друг не подхватил пустую, но увесистую стеклянную литровую бутылку от молока и не кинул в меня.

По инерции я пригнулся за металлический решетчатый барьер, но, к несчастью, бутылка раскололась на несколько частей, и одна из них пробила мне голову.

Хлынула кровь.

Почувствовав резкую боль, но сдержав крик, я резко встал, прекратив игру, и услышал какие-то глупые и непонятные слова вроде «так тебе и надо».

Друг засмеялся и убежал домой.

Несмотря на острую боль и заливающую один глаз кровь, изнутри стало подниматься какое-то очень нехорошее, но

весьма мощное и спокойное чувство.

«Хорошо, значит, сейчас еще поиграем», – пролетела в голове зловещая мысль, и я, не торопясь, направился к его подъезду, обходя вокруг дома с дальней стороны.

– Мальчик, что с тобой? – Какой-то мужчина, увидев меня с окровавленной головой, рванул ко мне.

– Ничего страшного, просто немного ударился, я сам разберусь, – сказал как отрезал, совсем не по-детски, я и зло посмотрел на него, как на препятствие к какой-то только мне одному ведомой цели.

То ли слишком спокойный, но злой голос, то ли нестыковка окровавленной головы и поведения, но что-то заставило его уйти прочь, буркнув напоследок нечто неразборчивое.

А в это время глаза сами стали искать на земле кирпич. Не найдя ничего более подходящего, чем увесистый кусок гравия граммов на двести, я поднял его, еще сам не зная зачем, и зашел в подъезд недавнего друга.

Поднявшись на нужный этаж, спокойно нажал на звонок.

– Кто там? – услышал голос его матери.

– Это я, Сергей, – и попросил её позвать своего товарища.

– Иди открой дверь, к тебе Сережа пришел. – И мама, видимо, пошла на кухню.

Тот отворил дверь и испуганно открыл рот. Перед ним стоял с залитым кровью лицом недавний друг, зло сверлящий его сузившимися глазами. А слышавшие от крови волосы, видимо, окончательно добились его.

Я молча стоял, смотрел на него и ждал.

– Чего тебе надо? – испуганно дрожа, тихо спросил «друг».

Это был неправильный ответ.

В душе я еще ждал какой-то помощи, сочувствия, может быть, по крайней мере, извинений, или чего-то в этом роде, но точно не трусости.

Рука с камнем сама резким движением отправила булыжник точно ему в лоб.

Спокойно и как-то внутренне удовлетворенно я повернулся и спустился по лестнице и тут же услышал сначала запоздалый крик «друга», практически сразу за ним – визг матери и громкие маты отца.

Уже спустившись по лестнице на полтора пролета вниз, я услышал сзади топот и почувствовал вибрацию от заходивших ходуном перил.

– Стой, стой, я тебе сказал!

Сбежавший вниз отец схватил меня, вроде совсем недавно друга его сына, сзади за шкварку, в буквальном смысле слов оторвал от пола, как котенка, пронеся обратно в воздухе вверх, и затащил к ним в квартиру.

Поставив меня уже мягче на пол в коридоре (видимо, окровавленная голова его немного смутила), он смотрел по очереди на нас – спокойного и окровавленного друга их сына и своего отпрыска, стонущего и заплаканного, также с окровавленным лицом от рассеченного камнем лба.

– Он хотел убить нашего сына, – причитала женщина за его спиной.

– Подожди, – сказал он и повернулся ко мне – угрюмому и взъерошенному. – Что случилось? – уже не так решительно спросил мужчина.

– Он был не прав, и я сделал то же самое.

Больше мне сказать было нечего. Я развернулся и вышел из квартиры.

Никто больше не стал останавливать меня...

Пока шел домой в соседнее здание, в голову лезли всякие мысли – страх за то, что мог убить человека, злость на «друга» и самого себя, плюс возник какой-то ступор от нереальности происшедшего и одновременно глубокое чувство торжества.

Пришел домой. Хорошо, что родители были на работе. Смыл кровь, промыл рану, потом залил зеленкой.

Боль от зеленки отрезвила и вывела из состояния ступора. По крайней мере, сладостное чувство торжества за «ответку» ушло и осталось ожидание развития ситуации...

А продолжение не заставило себя долго ждать. На следующий же день мама Сергея пришла в школу вместе с булжником, и меня вызвали в учительскую. Я рассказал, как все было, но оправданием для учителей и завуча это не стало. Но то ли все-таки благодаря полученной травме, говорящей сама за себя, то ли юному возрасту, то ли из уважения к маме, которая работала в этой же школе учителем математики,

а может, всему вместе, дело обошлось общим порицанием.

Хотя перед своей мамой осталось чувство сильного стыда, что втянул ее в эту ситуацию. И это было самое неприятное.

Может, с тех времен и сформировалась привычка ничего не говорить родителям о своих проблемах, чтобы не расстраивать. Ведь они и так постоянно переживали за каждого из пяти своих детей.

И в будущем еще очень часто на вопрос отца или матери «Как у тебя дела?» я всегда отвечал: «Хорошо!»

Когда не было денег, чтобы обеспечить семью и сына всем необходимым в конце 90-х и начале 2000-х годов. Когда неоднократно угрожали бандиты или бывшие сотрудники силовых ведомств, желающие кинуть компанию, где я работал, выполняя функции по взысканию долгов.

Когда в 2008 году стал рушиться собственный бизнес, и я остался с крупными долгами, с просроченной ипотекой.

Когда дочь перестали пускать в садик из-за неоплаты, когда сам стал ездить зайцем на общественном транспорте, чтобы хоть немного сэкономить.

Когда всю полыхали разборки с бывшим партнером, пытавшимся натравить на меня местных беспредельщиков.

Потому что «не убежал» и остался стоять на своем, веря в то, что прав.

Когда сожгли дотла базу вместе с рабочими, спящими в вагончиках и модулях, и никто до сих пор не понимает, что помогло выжить людям, запертым снаружи.

И даже когда провожал детей в школу или садик с увесистым тесаком за поясом или топором в пакете и инструктировал шедшую рядом дочь:

– Увидишь, что на нас нападают плохие дяди, немного подожди и посмотри. Если папа будет побеждать, просто стой, жди и не кричи, чтобы я не отвлекался. Если я упаду, беги и зови на помощь.

Даже тогда, приехав в гости к родителям, я искренне улыбался, радуясь каждой минуте общения с ними.

И очень часто, приехав домой, на недоверчивый взгляд отца при вопросе:

– Сергей, я же вижу, что у тебя что-то происходит...

Я всегда бодро отвечал:

– Батя, у меня все хорошо. Пойдем лучше в нарды поиграем...

Первый бизнес

*Тот самый первый рубль,
Что в первый раз добыл
И заработал.
Руками, мыслями, мозгами,
Имеет часто некий смысл —
Ты можешь управлять мирами!*

Школа. Первый класс. Первый сбор макулатуры с ребятами в рамках школьной программы. Бесконечные ступеньки в многоквартирных домах: «Дяденька, а у вас нет старых газет или журналов?» Сложно отказать малышу в зимнем пальтишке, и люди часто выносили даже увесистые книги, которые они собирались «когда-нибудь прочитывать еще разок», иногда это были запасы с балкона. За пару дней собрали целую гору разной бумаги, газет, книг, журналов.

Стал разбираться: а куда все это идет потом? Оказалось, что на повторную переработку. Идея понравилась – вместо помойки или костра макулатура перевоплощается в новые тетради, учебники, книги. Умно!

И тут еще выяснилось, что за это еще и платят!

Стал узнавать дальше – в небольшом поселке, оказывается, был даже пункт приема! Целых две копейки за килограмм! Дело осталось за малым...

Вечером пришел домой, в голове «просканировал» всех

живущих в подъезде ребят. Отобрал парнишку на два года постарше с первого этажа. Через 15 минут сбежал по лестнице вниз и позвонил. Будущий «напарник» открыл дверь и с непониманием посмотрел на малолетку.

– Чего надо? – буркнул «взрослый» пацан.

– Заработать хочешь?

Тот сразу «сравнялся» со мною в возрасте и уже как бы снизу вверх спросил:

– А чего надо делать?

– Собираем макулатуру. Куда сдавать, я уже узнал, дают две копейки за килограмм. Завтра в шесть вечера я за тобой зайду – пойдем по домам. Все, что соберем, делим пополам. Санки – с меня. Сортировка у меня дома. Все понял?

– Да, хорошо, – старший пацан сразу показал себя с хорошей стороны.

Следующий вечер и последующую неделю двое мальчишек обходили многоэтажки по всему поселку и таскали ко мне в дом целые горы макулатуры. Сначала забили весь балкон, потом все дальние углы в квартире, потом стали таскать в гараж.

Упаковка заняла еще пару дней – до пункта нужно было везти на санках не больше половины километра, а перевязанные бечевкой брикеты как-то сподручнее везти, чем ворох, раздуваемый ветром.

Возили целый день, по 10–15 килограмм за раз. Собрали все с балкона, квартиры и все, что успели упаковать в гара-

же. Получилось около ста килограммов сданной макулатуры. **ЦЕЛЫХ ДВА РУБЛЯ!**

Наверное, можно было снимать фильм с замедленной съемкой, какие довольные были у нас мордашки. Вот так и вышли, каждый со своей горсткой монет и сразу побежали в кулинарию.

«Эти деньги были **МОИ! ЗАРАБОТАННЫЕ! ПЕРВЫЕ!**» – изнутри меня распирали совсем неизвестные, но очень приятные эмоции.

В результате четыре пирожных «Картошка» по 22 копейки за штуку в прямом смысле слова честно заработанные исчезли в животе за пять минут.

Вечером, придя домой, я почувствовал какую-то «нестыковку».

Эх, столько времени потратил, всех напряг, включая родителей. Но как-то заработанный рубль «не бился» с затратами времени и сил на его заработок. В чем промах? Ага, слишком много «перекидывались» и, по сути, почти все собранное таскали дважды. Это понятно, но все равно как-то маловато. В абсолютном большинстве квартир давали в лучшем случае всего по паре газетенок, а времени мы там тратили столько же, сколько и в «удачной» квартире. Да и ходили часто по квартирам, где побывали ребята предыдущей школьной сборки макулатуры. Перетяжка тоже заняла много времени. Какой-то «кривой» получался бизнес.

– Завтра пойдем, – сам позвонил в дверь «напарник».

– Нет, завязали.

– А то, что не успели перетянуть? – опять спросил он (в гараже еще осталось около двадцати килограммов одиночных и разноформатных бумаг).

– Хочешь, забирай себе. Жалко времени. Лучше пойдем во двор поиграем в хоккей.

В голове опять появилось лицо того «солидного» мужчины в очереди, обмякшего перед пятирублевкой...

Годы спустя я понял основную суть: очень многие работают в прямом смысле в поте лица, в том числе на плохо организованных процессах, за копейки, потому что вроде и платить-то больше «не с чего».

Хотя здесь еще «защито» множество причин – необученные и не правильно мотивированные люди, нарушенные или разрушенные производственные цепочки, когда по итогам проигранной холодной войны великая держава целенаправленно разрушалась десятилетие за десятилетием.

Не говоря уже о принципиально извращенном мышлении многих людей – «рыба ищет где глубже, а человек, где лучше». Своего рода образ «перекати-поле», когда люди, не имея социальных или личных ценностей, мигрируют с одной работы на другую, каждый раз «набивая» себе цену. А работодатель опять и опять теряет эффективность сначала обучая работников, а потом теряя только-только налаженные бизнес-процессы вслед за опять ушедшим сотрудником.

Конечно, здесь должна вестись работа не только в рамках

отношений предприятие-работник.

Без общей стратегии государственного регулирования ничего не получится.

Здесь и налоговые льготы при выплате доплаты за выслугу лет, и «плюшки» за работу рядом с домом, опять же, на хорошо организованных и правильно распределенных в пределах населенных пунктов предприятиях когда мы можем помочь людям не стоять часами в пробках, а посвящать время себе, своей семье, своей работе.

Но здесь есть еще другая проблема – большая категория людей, «халявщиков», у которых в буквальном смысле руки дрожат от любой «халтуры».

Будь то присвоенный себе результат сотрудника при дележке премии, откат чиновника или сотрудника правоохранительных органов, ходящих на работу только за «мздой», комиссия менеджера, слившего заказ конкурентам, или пачка электродов, сворованная сварщиком на основной работе для перепродажи в полцены.

И неважно, что у сварщика или менеджера заработная плата может быть несопоставимо больше полученных воровством или сливом денег. Просто, совершив один раз подобный поступок, большинство ставят потом это «на поток», с которым, опять же, можно справиться путем изменения культуры и механизмов влияния на государственном уровне.

Но этот путь был мне совсем не по душе.

Нужно учиться зарабатывать!

И в дальнейшем я стал с удовольствием получать навыки, способные дать, по крайней мере, как я тогда думал, возможность обеспечивать себя деньгами для ощущения свободы. Будь то профессия токаря-фрезеровщика, когда в начальных классах научился «на глаз» ловить нужные размеры и выдавать повышенную норму деталей, или помощь отцу, когда в 12 лет я с огромным удовольствием ассистировал ему при установке водопровода и системы отопления в магазинах и на дачах.

Куда уходит детство

*Счастлиное и беззаботное детство.
Как часто мы слышим или говорим эту фразу?
И какое значение мы придаем этим словам?
Особенно деталям...*

Детство закончилось летом в очереди за квасом. Мне было 10 лет.

Из-за того, что я часто болел ангиной, начались проблемы с сердцем. Первый глубокий обморок случился солнечным утром в той самой очереди.

В момент беспамятства я оказался летящим в каком-то очень светлом тоннеле. Причем был ли это на самом деле свет, некий мощный энергетический поток, или что-то другое – разгадка еще долго останется за пределами разума.

Эмоции счастья, легкости и чего-то еще просто зашкаливали. Другими словами, если есть понятие рая и неземного блаженства, то можно сказать, и то и другое я увидел и испытал.

Причем до сих пор в голове засело осознание мелочности и суетливости жизни, а также неважность многих окружающих людей процессов.

Затем было резкое отторжение с чувством некой незаконченности в жизни, и опять же, очень сильные эмоции по

нежеланию возвращаться.

– Он приходит в себя, – сквозь туман донесся гул встревоженных голосов.

Видимо, кроме меня одного, остальным было, мягко говоря, беспокойно.

Очнувшись, открыл глаза и увидел лица испуганных людей – видимо, я «ушел» в очень глубокий обморок. Хотя послевкусием остались совсем другие, яркие и очень хорошие воспоминания первых секунд пробуждения – синее небо, яркое солнце и какое-то чувство умиротворения и спокойствия.

В дальнейшем многие знакомые, родственники и друзья неоднократно подчеркивали это свойство всегда улыбающегося парня – особо «не париться», даже когда вокруг происходили самые экстремальные и неординарные ситуации.

Потому что то самое чувство некоего внутреннего спокойствия навсегда поселилось у меня внутри.

На следующий день я отправился в больницу и в течение нескольких дней проходил разные обследования.

Поставили совсем не радужный диагноз – серьезные проблемы сердца, обозначили необходимость оформления инвалидности и самое поганое для подростка – никаких резких движений, никаких подъемов веса более пяти килограммов и прочие атрибуты будущей жизни «овоща».

На тот момент в части физической подготовки я и так

был, мягко говоря, слабоват, а всю жизнь ходить со справкой и ждать, когда остановится сердце, как-то было скучновато. Поэтому и принял решение идти ва-банк, так сказать, помирать, так с музыкой, и начал ежедневно делать разминку и выполнять базовые домашние силовые упражнения, потихоньку наращивая темп.

В дальнейшем обмороки стали происходить с регулярной периодичностью.

Сначала боролся с ними как мог.

Когда, например, на одном из уроков, проходившем на первом этаже школы, у меня внезапно помутнело в глазах, в голове мелькнула мысль: «Нужно поднять руку, попроситься выйти, встать с последней парты, где сижу, пройти по классу и выйти за дверь». А там, в трех метрах, был, как тогда казалось, спасительный фонтанчик с водой – поью и все пройдет...

Последним воспоминанием было поднимание руки...

А очнулся я на втором этаже, когда меня уже откачали в учительской, где, несмотря на уроки, вокруг собрались несколько преподавателей.

– Ты живой? – кто-то спросил, когда я пошевелился от резжущего запаха нашатыря.

– Нужно срочно позвать Оксану Васильевну (мою маму), – предложил еще один учитель.

– Никого звать не надо! – в глазах еще все была пелена, но говорить я уже мог. – У меня такое бывает, дайте мне, пожалуйста, воды, и все пройдет.

Кто-то включил и заварил чайник. Кто-то

приподнял голову. Теплый чай с сахаром быстро вернул меня к жизни.

Еще немного полежал и отпросился домой.

Это был самый первый обморок в школе.

Как потом рассказывали ребята, руку я поднял, но отпроситься уже не смог, вместо этого что-то простонал – мозг уже начал отключаться.

Потом встал и молча направился к выходу.

Я уже ничего не слышал и не видел.

Ни вопросов учителя, а потом и указания сесть на свое место.

Ни вскочившего с третьей парты старшеклассника-второгодника, попытавшегося показать свой авторитет, остановив меня по просьбе учителя и отброшенного непонятно откуда взявшейся звериной силой «парнишки-зомби» обратно на его парту.

Обошел оторопевшую учительницу и вышел за дверь.

Видимо, когда сознание отключилось, подсознание еще пыталось довести тело до цели – фонтанчика. «Довело», выполнило задачу и тоже отключилось.

Я рухнул прямо возле него, потому что с задачей включить воду справиться уже было некому...

В обморок я падал еще не один год, но зато уже через несколько лет стал в школе с брусками, кольцами, перекладинами творить чудеса, в том числе подтягиваясь и отжимаясь на одной руке, став по многим упражнениям абсолютным лидером среди подавляющего большинства сверстников и ребят

постарше.

И одновременно учился не просто жить с обмороками, но и управлять ими, контролируя начало, «пик беспамьятства» и уже осознанно выводя себя из него...

В тот момент, наверное, и пришло внутреннее ощущение: какая-то несокрушимая внутренняя сила, позволяющая в дальнейшем не только преодолевать без страха и сомнений препятствия жизни, но и зачастую ломать реальность, меняя ее под поставленные самому себе задачи.

Потому что внутренние страхи просто стали раскладываться на детали.

Вернее, на причины.

Какие-то – осознанные, какие-то – подсознательные.

Но большинство из них – «лечащиеся» самым простым способом.

Простой проработкой.

А если и это не помогало, то всегда был другой, пусть и крайний метод.

Как в пословице: клин клином вышибают.

Помните, как в эпической истории про греческого оратора Демосфена?

Картавивший, заикавшийся, волнующийся несостоявшийся оратор с подергивающимся плечом и нелепыми жестикуляциями.

«Решивший вопрос» очень просто!

Мелкими камнями во рту во время речи, четкой и ясной!
Перекрикиванием шума прибоя, подвешенным над плечом острым мечом и уроками у профессионального актера!

И таких историй со мной происходило немало.

Деревенская собака, прокусившая в детстве икру, и панический страх, когда за мною погналась чужая немецкая овчарка во время катания на санках.

Потому что просто хотела поиграть.

Страх, навсегда ушедший, когда я выскочил из автобуса по дороге на учебу на первом курсе института.

Потому что увидел парнишку 12–13 лет, которого обступила свора бездомных собак в стороне от дороги, и какая-то псина уже рванула у него кусок штанины.

Только распинав несколько тварей и проводив парня до спасительного входа в здание неподалеку, куда он шел на тренировку, я понял, что я их перестал бояться.

СОВСЕМ!

И позже, пожалуй, только собаки породы алабаи вызывали не то что страх, а скорее даже непонимание, как с ними драться, если он вдруг кинется на тебя.

Такого пнуть – не вариант, оставались только глаза.

НО все равно «варианты» были!

А выступления!

Волнение перед ними чуть ли не до потери сознания!

И опять я выходил на трибуну в Клязьме на съезде

главных механиков нефтегазовой отрасли России и выступал первый раз в жизни с докладом.

Сжав до боли в руках деревянные бортики трибуны.

В первый раз было страшно, волнительно и... стыдно.

За то, что боялся сам не зная чего!

И те внутренние страхи – «а вдруг не получится», «а вдруг что-то случится» – приобрели совсем другой окрас.

Вернее, даже вызов... преодолеть и навсегда выкинуть из своей головы!

Чтобы не отвлекаться на решение задач своей жизни.

Задачи

*Споткнуться в жизни, преклонив колено,
Не страшно, не позорно – не упал!
Но только правильно ли то решение?
И путь, который ты себе избрал.*

А задач было много.

Раньше часто в свой адрес слышал: «хлюпик», «доходяга». Особенно на уроке физкультуры, когда безвольно болтался на перекладине в ожидании, пока учитель поставит хотя бы тройку – за то, что попытался...

Когда задыхался, пробежав не больше 50 метров.

Но за справкой не шел, каждое утро, упорно наращивая темп, делая зарядку.

Ходьба, а потом бег на месте.

Медленно, но верно я увеличивал время, нагрузку и количество подходов.

Отжимания – сначала от кресла, а уже потом с пола.

Стулья тоже пошли в ход, совсем скоро стал отжиматься с глубоким опусканием. Они жегодились при прокачке трицепсов.

Пресс.

Приседания были самыми тяжелыми, потому что сразу мутнело в глазах.

Садился, ждал, пока голова перестанет кружиться, и продолжал...

Вечерами выходил на стадион, и когда никто не видел, снова и снова штурмовал перекладину.

Подтянув физическую подготовку, за исключением бега, начал разбираться, что еще «мешает».

Следующим объектом моего внимания стали гланды.

Как мне говорил врач, предлагавший «поберечь себя», главной причиной проблем с сердцем была ангина, которой я очень часто болел.

Однако, как и старшие брат и сестра, я планировал после школы поступить в институт.

«А как же учиться, если буду часто болеть, еще и продолжая «сажать» сердце?» – мысль никак не выходила из головы.

Решение было принято мгновенно и довольно простое...

– Дяденька, а можно мне удалить гланды?

– Заходи и рассказывай, – видимо, удивившись вопросу заглянувшего в дверь пацана, ответил хирург.

– Я хочу учиться в институте, а из-за гланд я часто болею ангиной. – Я немного успокоился и уже вполне уверенно пытался «обосновать» доктору свою идею.

– А родители знают? – уже совсем ошалело спросил хирург.

Обычно ему приходилось уговаривать родителей сделать операцию ребенку, а потом еще нужно было как-то затащить

несчастливого «под скальпель». А тут сам пришел...

– Нет, я сам решил.

Врач даже заулыбался:

– Ну так вот, голубчик, сначала иди к родителям, а лучше сразу к маме, и принеси мне расписку, что они не против.

– А что там должно быть написано? – спросил я.

– Не против, не возражаю, согласна, – ехидно сказал доктор. – Все, иди!

Мама, как всегда, после дополнительных уроков в школе, сидела допоздна за проверкой толстой пачки тетрадей, проверяя домашние задания. Семья уже была большая – четверо детей, и родителям приходилось вдвое больше работать, чтобы обеспечить нас хотя бы самым необходимым.

– Мама, подпиши тут для больницы. – Я положил перед уже уставшей от многочасовой работы мамой листок бумаги.

– А что это? – все же спросила она.

– Да так, ерунда, я просто хочу немного «полечить» гланды. Напиши «согласна», поставь подпись и расшифровку.

Мама, на минуту задумавшись, поглядела на позднее время, потом на толстую пачку непроверенных тетрадей, устало кивнула и сделала, как я попросил...

– Опять ты! – врач уже начал злиться. – Я же тебя к родителям отправил!

– Вот! – моему упрямству не было предела, и я протянул листок с согласием мамы.

– Ты точно этого хочешь? Ведь обратно не пришьешь, –

не унимался доктор.

– Я же вам все объяснил.

Видя, что предупреждения бесполезны и парня не переубедить, доктор сдался.

– Надо же, какой неугомонный. Ладно, садись, посмотрю я на твои гланды.

Он долго разглядывал мое горло и наконец сказал:

– В общем, слушай меня, раз ты такой взрослый, говорю все как есть. Гланды у тебя и на самом деле увеличенные, к тому же немного воспаленные. Делать сейчас операцию нежелательно, поэтому иди полейся и еще раз подумай, раз уж ты считаешь себя большим. А потом приходи, но не раньше чем через две недели, если не передумаешь.

В тот раз я лечился как никогда...

Принимал все назначенные таблетки, не забывая полоскать горло, и пил, пил и пил теплый чай с малиновым вареньем.

Ровно через две недели стоял в кабинете у доктора.

– Первый раз такое вижу, – пробормотал он, матюгнувшись про себя. – Ладно, дуй домой, предупреди родителей. Завтра с утра ничего не есть, придешь к 09:00. С собой возьми все необходимое, вот список.

– А сколько часов я буду в больнице?

– Часов... – опять усмехнулся доктор. – Один день на операцию плюс пока отойдешь. А там по ситуации – как будет заживать. Так что быстро точно не выпишешься.

Какие же упрямые люди – подростки.

Если бы я знал, что меня ждет, то разобрался бы получше, как вылечить гланды, в том числе народными средствами, и послушался бы врача.

Хотя, как говорится, мы есть там, где мы есть...

– Заходи, – сказал доктор, увидев меня в сопровождении медсестры. Он уже ждал меня.

Сразу неприятно резанул глаз ветхий стул с металлическими ножками, обтянутый дерматином, уже старым и потрескавшимся, хирургический стол с открытой кучей инструментов и почему-то сколотый в нескольких местах эмалированный тазик, стоящий рядом со стулом.

– Садись на стул, сейчас привяжем руки и начнем.

Руки и на самом деле привязали, довольно банально – какими-то веревками или бинтами к тем самым ножкам стула.

Деловито поставив тазик у ног, надели на грудь фартук и попросили открыть рот. Вставив какой-то варварский фиксатор, доктор начал монолог:

– Сейчас поставим пару уколов, чтобы не было больно, а потом начнем.

Шприцы показались мне чудовищно большими, а иглы очень длинными.

БОЛЬ!

И это не та боль от современных укольчиков с щадящим лекарством.

Иглы вонзались в горло, раз за разом выбивая слезы из

глаз.

– Ну как ты себя чувствуешь? – спросил доктор. Мне даже показалось, что он издевается. – Начинаем?

Утвердительно промычав в ответ, я продолжал наблюдать за его манипуляциями...

– Смотри-ка, она у тебя и впрямь довольно сильно увеличенная, – то ли удивленно, то ли с издевкой воскликнул доктор, бросив кусок плоти – первую миндалину – в тазик.

В это время, уже много раз пожалев, что сам усадил себя на стул «мясника», я пытался приглушить прорывающуюся сквозь уколы боль, еще и гася накатывающие приступы обморока.

«Нужно все остановить», – мелькнула спасительная мысль и я начал усиленно подавать сигналы, что хочу что-то сказать.

– Что, передумал?

Вопрос «в пах» сразу привел меня в чувство, одновременно вызвав злость – на доктора, на самого себя, на эмалированный сколотый тазик и неприкрытые инструменты, делавшие операционную похожей на какую-то пыточную.

Пытаясь промычать «вторую не надо», я уже понимал, что это еще не конец.

– Как не надо? – все-таки понял меня доктор, – пришел, значит, будем делать как положено!

– С...ка! – мозг начал взрываться от следующих уколов. А потом как-то сразу поплыл.

Будто со стороны я наблюдал, как доктор деловито выкручивает вторую миндалину, как бросает ее в тот самый тазик, довольно хмыкая, как обрабатывает рану во рту...

Медсестра помогла отвязать руки и, поддерживая, повела меня в палату.

Как только моя голова коснулась подушки, я сразу выключился на несколько часов.

Пробуждение было довольно неприятным – горло ужасно болело.

Первый день и первая ночь прошли тяжело: сон перемежался с ударами кулаком по стене, уколами и таблетками, чтобы приглушить боль...

Когда меня выписали и я лег спать в свою кровать дома, только тогда и понял, что тело человека – это не тело робота, элементы которого можно выбрасывать или вставлять заново. И в будущем, прежде чем принимать какое-то решение, нужно сначала все хорошенько взвесить, так сказать, в прямом смысле: семь раз отмерь – один раз отрежь. И тем более, когда ты ставишь на одну ступень со своими целями или мечтами свое тело.

Мечты

*Мечты приходят и уходят,
А жизнь идет своим путем.*

Первые мечты были, мягко говоря, противоречивы.

Первая, с самого детства, – стать лесником и связать свою жизнь с лесом и животными. И наблюдать. Как растут деревья, как живет деловитой жизнью муравейник, как рождаются новые зверята, а родители передают им свой опыт.

В любое время и погоду я убегал в рощу возле стадиона и наблюдал там за насекомыми, птицами и случайно увиденными животными. Часами просиживал у муравейника, пытаясь разгадать алгоритмы жизни его обитателей.

Чуть повзрослев, уходил в пойму Иртыша, изучая все ручейки, озерца, разливы. Небольшие лески и склоны оврага давали тень и прохладу в жаркую погоду. А местная фауна дополняла мое знакомство с окружающим миром.

Иногда я уходил в выходные дни еще в сумраке, чтобы встретить восход солнца уже на берегу реки.

А поздними вечерами, сидя у костра с отцом на рыбалке, жадно старался уловить каждый звук природы.

Рыбалка была, можно сказать, стала моим отдельным увлечением на всю жизнь.

С самого детства я всегда старался попасть в компанию

со старшими мужиками, чтобы встретить утреннюю зорьку с первыми поклевками и проводить закат под сумрак, когда уже и поплавка было не видно.

Даже один раз, когда отец собирался со старшим братом на мотоцикле на озеро почти за 100 километров, где всегда был обеспечен клев рыбы, я напросился ехать с ними. Верхом на сложенной пополам металлической лодке как на большом щите, которая была привязана веревками на люльке мотоцикла. Вот так и ехал всю неблизкую дорогу в обе стороны сидя почти на плоской металлической поверхности лодки и держась руками за веревки.

Смех смехом, но самым первым моим воспоминанием было то, когда отец вытаскивал меня за шиворот из озера, куда я сиганул, увидев мальков.

Природа.

Она тесно связывала еще с одним увлечением – целительством себя и окружающих, правда, если люди сами принимали мои советы и помощь.

В ход шло все то, с чем мы люди жили тысячи лет – травы, тепло и даже мумие, с помощью которого я в будущем избавился от очень неприятного хронического заболевания – аллергии на полынь. Вернее, не избавился, а «приручил» эту болезнь, которая в последнее время стала настоящим бичем миллионов людей.

Вторая мечта, будоражившая детский мозг, – война, война в Афганистане.

Спецназ.

«Я стану спецназовцем!» – так думал я, сидя у телевизора с открытым ртом, смотря новости или репортажи с мест боевых действий. Когда показывали наших ребят с автоматами, сидящих на БТР, или «вертушки», облетающие горы.

«Меня, возьмите меня!» – и я высчитывал, сколько осталось до призывного возраста.

«Лишь бы не закончилась война, пока я вырасту!» – с этой мыслью ложился спать и просыпался, днем убегая в лес или на речку, а вечером снова возвращаясь к телевизору.

А с каким неистовством я разбирал и собирал автомат Калашникова с просверленным стволом в школе, ставя новые рекорды и наглаживая холодную сталь собранного оружия.

Но в 1989 году война закончилась, и радостные лица наших ребят, возвращавшихся домой, только усугубляли разочарование: «Что же вы меня не дождались, мне совсем немного осталось...»

Природа, война...

Совсем разные пути.

Но было еще кое-что – назойливая мысль разобраться в истинном значении жизни людей. Понимая, что все проблемы от нас самих и сколько мы тратим сил и нервов на их решение.

И на все это накладывалась еще одна мечта-наваждение – разобраться, как оградить людей от их пороков и слабостей, уберечь от абсурда и хаоса, внести смысл в их жизнь.

Вот так и прокручивал в голове раз за разом все варианты, то шагая в соседнюю деревню за молоком, то сидя у ночного костра на рыбалке с отцом.

Как сделать, чтобы каждый занимался своим делом?

Ведь даже муравьи и пчелы живут в гармонии с природой, принося огромную пользу.

А у нас же есть еще и мозг.

Или, как сказал классик, горе от ума?

Или от неумения им пользоваться?

Коллективно пользоваться!

Но как этого добиться?

Самбист

*Когда ты бьешь увесисто и смело,
Круша носы и рассекая бровь,
Не думая, – а вдруг тебе...*

После операции было покончено с еще одной видимой причиной возможных проблем – гландами.

Хотя не без внутреннего сожаления.

Но душа требовала преодоления следующих препятствий.

Несмотря на то что я существенно подтянул физическую подготовку, параллельно играя в настольный теннис, баскетбол и даже пробуя хоккей, чего-то не хватало.

И чудо случилось, а «потерянная мечта» как-то сама постучалась в дверь.

Школы, где я учился.

В поселок вернулся бывший афганец и организовал секцию боевого самбо.

Я первым стоял на запись и с благоговением смотрел на человека, побывавшего «там».

И частенько, в минуты перерывов, приставал к тренеру с расспросами: «А как там было?» – жадно впитывая каждое слово, каждую историю.

Только «там» было не совсем так, как в голове.

Непонятная война, когда нет четкого деления на

«свой» и «чужой».

Пропавшие без вести.

Чьи-то сыновья, мужья, отцы, «двухсотые» с молодыми пацанами и материнские слезы...

Но война войной, а нагрузки и умения, которые я получал на тренировках, стали давать и силу, и выносливость, и злость. Будь то упражнение, когда против меня ставили несколько соперников, и задачей было держаться как можно дольше. Когда нужно было взваливать себе на плечи упитанных ребят и крутить их в воздухе, контролируя ситуацию.

Когда мне раз за разом пытались пробить пресс, хотя я его и так не чувствовал после интенсивных «прокачек».

С тех пор появилась еще одна полезная привычка – при любых стрессовых ситуациях переключать мозг на режим выполнения задачи и идти напролом или, по крайней мере, в обход – при непреодолимом препятствии. Но идти до конца, до победного конца. Во что бы то ни стало.

Однако и здесь судьба преподала мне урок.

Однажды на тренировке в свободном спарринге с одноклассником, коренастым крепышом, в отличие от высокого и худого меня, я немного «увлекся» и, то ли злясь на громоздкие перчатки старшего брата-боксера, неудобно облегающие тощую руку, то ли от усталости, начал выбрасывать бесконтрольные удары.

Не хотел, правда, не хотел...

Ванькина голова неестественно дернулась от пропущен-

ного удара в челюсть. А дальше – как в замедленном кино (такое восприятие ситуаций у меня было еще не раз, когда каждая секунда врезалась в мозг массой фрагментов, как бы «прищелкивая» ситуацию).

Практически одновременно с «отскоком» головы у Вани как-то неприятно закатились глаза. И он упал во весь рост на деревянный пол спортзала. Правая рука неестественно подвернулась под тело, которое неподвижно распростерлось перед моими ногами.

«Что я наделал? – мысли мелькали в голове. – Убил? Что делать?» Стал накатывать какой-то неприятный холодок в груди.

– Ничего себе ты его приложил. Чего стоишь, давай помогай! – голос подбежавшего тренера вывел из оцепенения. – Держи голову, я за нашатырем.

И я держал голову своего обмякшего одноклассника.

Тут же другие ребята стали собираться вокруг.

– Чего собрались, работаем, работаем, – скомандовал тренер, – нечего тут зевать!

Через минуту он уже подносил ватку с нашатырем к носу Вани, одновременно похлопывая по щекам.

Глаза моего партнера открылись, но взгляд оставался затуманенным, а язык заплетался.

– Что со мной? – как-то непонимающе спросил он, как будто жуя слова.

– Как себя чувствуешь? – вопросом на вопрос ответил

тренер.

– Не знаю, – как-то невпопад ответил Иван.

– Давай-ка мы тебя на лавочку посадим, – тренер подал мне сигнал глазами, и мы посадили Ваню на лавочку.

– Вот ватка, только совсем близко к носу не подноси, я сейчас приду, – сказал тренер, метнув в мою сторону быстрый взгляд. – Что ж ты его так приложил? – спросил он, вернувшись с намоченным холодной водой вафельным полотенцем и обтирая им лицо пострадавшего.

– Как-то само получилось, – не найдя другого ответа, сказал я.

– Удар поставишь, будет и не такое получаться, только у вас-то не бой за звание чемпиона был, а разминочный спарринг. Удар контролировать нужно и силу соизмерять, – немного успокоился и сам тренер. – Ты как? – спросил он у Ваньки, потихоньку приходившего в себя.

– Нормально. Можно я на лавочке пока посижу? – тот еще выглядел очень бледным.

– На сегодня для тебя занятие окончено, посидите пока с Сергеем. Для тебя, кстати, на сегодня тоже все. Всем остальным – работаем, работаем!

Так и сидели два пацана до конца тренировки на лавочке, один – откинувшись на стену с закрытыми глазами, а другой – упершись взглядом в одну, только ему известную точку.

«А если бы я попал в висок или удар пришелся бы во время перемещений рядом со скамейкой и Ванька бы «ушел»

головой в нее. Пробитая голова, переломанная шея, могло же что угодно случиться...» – прокручивал я у себя в голове.

Тот случай надолго запомнился, и с тех пор я всегда старался себя контролировать. Во время драк на улице, в том числе со старшеклассниками, когда еще существовал определенный кодекс чести лежачего не бить, и если это был бой один на один, никогда не добивал упавшего соперника. На дальнейших тренировках по кикбоксингу – уже в студенчестве – никогда не бил своих партнеров «в полную» и не красовался перед публикой, демонстрируя свои на самом деле скромные навыки по сравнению с тренирующимися вместе со мной чемпионами.

И все же, тренировки заложили серьезную будущую основу для физического и духовного развития.

Запомнившись еще и огромным уважением к тренерам, обучающим ребят, в том числе и жизни.

«Друзья»

*Не тот твой друг,
С кем ты всегда гуляешь,
А тот, кто будет рядом,
И не убежит.*

Так и пролетали год за годом школьные годы. С другом вроде опять стали общаться и даже ходить друг к другу в гости.

Хотя «истории» периодически повторялись...

Как в тот зимний вечер, когда, гуляя по поселку втроем (к нам прибился еще один парнишка из соседнего подъезда, высокий и крепкий парень, тоже на порядок крупнее меня), мы столкнулись с разношерстной компанией из пяти человек.

Возраст у них был разный – кто-то чуть помладше, а кто-то и на пару лет постарше.

Но у них было одно общее – это были местные шакалята, сбившиеся в стаю. Наши компании поравнялись, и завязалась «прицелочная» словесная перепалка.

Откуда «прилетело», я так и не понял.

Удар на секунду вырубил в кратковременный нокдаун, и я навзничь рухнул на землю.

Тут же вскочил на ноги, вскинул руки в стойку, одновре-

менно пытаюсь собрать в кучу пляшущие огни окон дома напротив и боковым зрением ища своих друзей.

– Чё, корешей своих потерял? – прозвучало с издевкой от одного из компании напротив. – Так вон они, улепетывают... – захохотали уже все.

Немного повернув голову в сторону, я и, правда, увидел вдалеке своих корешей, без оглядки мчавшихся в сторону своего дома.

«Интересно, а на физре стометровки вы так же будете бегать?» – мелькнула в голове посторонняя мысль.

В это время один из компашки опять начал обходить сбоку, и я, не теряя из виду остальных, чуть повернулся к нему. Второй из компании, уже постарше меня на два года, немного напрягся (мы жили в одном дворе и периодически дрались, и он, будучи старше и крупнее, даже один раз разбил мне в кровь голову, но и сам потом получил на полную катушку).

То ли моя готовность драться, то ли показавшаяся вдалеке компания взрослых, но шакалята, процедив сквозь зубы: «Еще раз попадешься – прибьем», – пошли дальше своей дорогой.

Постояв еще несколько минут, я быстрым шагом направился к своим друзьям.

Нашел их у одного в квартире, сидящих в зале с выключенным светом. Они отводили взгляды и тихо бормотали что-то вроде «Ну как ты? Били, да?»

– Вы почему убежали, нас же было трое, а среди них только двое крупных? – уже понимая бессмысленность вопроса, все же спросил я.

Ребята молчали, виновато уставившись в пол.

– Короче, собирайтесь, раз боитесь драться на равных, пойдём и выловим их по одному.

– Мы не пойдём, – ответил один за двоих «старый друг», так же пряча глаза.

– Ссыте? – то ли подытожив, то ли ругнувшись, процедил сквозь зубы и пошел домой.

Вечером, сидя у телевизора, смотрел какой-то неинтересный фильм, а в это время в душе бушевал шторм.

«Почему? Трусы!» – злился я, но самому идти отлавливать шакалят не имело смысла, тем более что с двумя верзилками из их числа я и так периодически дрался на улице.

По крайней мере, не в тот момент...

Однако уже следующим летом мы встретились еще раз.

Мы с приятелями прогуливаясь как-то вечером, опять наткнулись на подобную компанию, ищущую приключений. Так же среди них были ребята разного возраста.

И так же мои друзья рванули врассыпную, как только запахло жареным.

– А ты чё, самый храбрый? – выскочил вперед один из малолеток и попытался ударить меня в лицо.

Отбив руку, я стал отступать к одному из ограждений на аллее.

«Прямо как в детстве», – мелькнула мысль в голове, только вот под ногами не было штакетины, а компания напротив состояла далеко не из двух «дразнилок-забияк» и «случайных болельщиков».

По крайней мере, один из них был явно сильнее (в одной из общих компаний на дому я пару раз пересекался с ним в домашних спаррингах и с трудом держал блоки, отражая тяжелые удары).

И опять случилось то, что я стал замечать в дальнейшем: если ты не опускаешь голову перед угрозой, пусть даже значительно превосходящей твои силы, ситуация решается мирно и без драки.

Так случилось и в тот раз: те, кто постарше, отступили, а малолетка-забияка, оставшись без поддержки, тоже вынужден был сдать назад. Но все-таки не удержался от «реванша»:

– Теперь ты будешь на все спрашивать у меня разрешения! – совсем невпопад выкрикнул он.

– И дышать? – огрызнулся я, не опуская рук.

– И дышать тоже!

– Да пошли уже, – все-таки не выдержал кто-то из старших, – заканчиваем балаган!

Компания удалилась.

И очередной раз кольнуло в душе: где мне найти друзей, которые не испугаются при первом шорохе?..

За «разрешением подышать» я зашел к малолетке на следующий день ранним субботним утром в многоквартирный

дом, где тот жил (хотя и младше меня на год, «решала» все же был повыше и немного крупнее).

Поднявшись на этаж, позвонил в квартиру.

– Кто там? – раздался обычный вопрос за запертой дверью.

– Это я! – прозвучал обычный же ответ, однако смутивший малолетку.

– Чего надо? – в голосе вроде и промелькнула вчерашняя «крутость», но сказано было уже фальшиво, с нотками дрожания.

– Открывай, поговорим, ты же сам мне вчера сказал спрашивать у тебя на все разрешения!

Дверь приоткрылась, и в щелку выглянул уже не такой бравый пацан.

– Выходи на площадку, зачем родителей беспокоить, – скомандовал ему я, и тот повиновался.

– Тебе чего надо? – вчерашний распушившийся малолетка как-то съежился и даже вжал голову в плечи.

– Ты вчера что-то про «подышать» говорил, так вот я всю ночь проспал и продышал «без разрешения», думаю, надо зайти спросить...

– Да ладно тебе, проехали, – малолетка немного успокоился, но я вдруг опять увидел его шакалий оскал.

«Сегодня проедем, а завтра опять будешь „плясать“ на улице», – очевидная мысль кольнула сознание.

– В общем, теперь ты меня слушай! Еще хоть раз я увижу

тебя на улице и ты на меня дернешься – приду и прибью как последнюю суку. Ты все понял?

Тот опять съежился, прижался к стене и начал бормотать:

– Да понял, я понял, чего ты, пошутил я вчера.

– А я – нет!

Я развернулся и пошел по своим делам, продолжая обдумывать очередной парадокс жизни: когда такие люди оказываются на коне, они ведут себя как злобные барбосы, лая и кусая, а когда остаются один на один со своей «вчерашней жертвой» – скулят, как последние шавки.

Однако уже несколько лет спустя я все же пожалел, что не проучил в то утро в подъезде этого шакаленка.

Урок

*Садясь за стол и поднимая рюмку,
Подумай – с тем ли ты сейчас сидишь?*

Однако «шакал» все-таки «дернулся». После окончания десятого класса мы всем классом отправились на природу с ночевкой, заодно прикупив в складчину спиртного. Пили, смеялись, жгли костер.

Пока не пришла большая группа пацанов постарше с несколькими малолетками. И мой старый знакомый тоже был с ними.

Ребята с класса все как-то притихли.

– Гуляете? Подвинетесь!

Прибывшие расселись за импровизированным столом на земле и присоединились к школьникам.

Мне, отвечающему за спиртное, конечно, было жалко доставать последние бутылки, но вроде гости пришли, пусть и халявщики.

– Да ладно ты, расслабься! Давай лучше выпьем!

Алкоголь потихоньку затуманивал голову, и в очередной из тостов малолетка как-то невзначай спросил:

– А чё ты там говорил у меня дома?

– А ты чё, не понял? – я тут же ответил, еще не до конца осознавая дальнейшую цепочку событий.

«Малолетка» в это время с ехидной улыбкой уже что-то нашептывал одному из «авторитетов». Тот молча слушал, потом ухмыльнулся и кивнул.

– Пойдем отойдем, побазарим, – малолетка поднялся и направился в сторону оврага. Я пошел, а следом встали еще несколько новеньких крепких ребят и дружно пошагали за нами.

Отойдя на небольшое расстояние, малолетка оглянулся, увидел подоспевшую поддержку и без слов попытался пнуть меня ногой в живот.

Увернувшись от удара, я схватил ногу нападавшего и откинул его в сторону, одновременно вставая в стойку и оборачиваясь назад.

Скользкий удар сбоку не успел увидеть, но ждал его, при повороте вжимая голову в плечи.

Резануло ухо, и я по инерции выкинул руку в ответ, попав в чью-то челюсть.

Раздался чей-то крик.

Еще пара ударов с разных сторон в туловище и голову заставили меня теснее прижать руки к голове, а локти к бокам. Какие-то удары попадали в блоки, а какие-то в цель – в нос, в сразу же треснувшую пополам губу.

Тут уже повскакивали одноклассники, а оставшиеся за столом несколько старших подошли и стали разнимать дерущихся. Хотя сложно было назвать дерущимися группу пацанов, окруживших меня, с уже окровавленным носом, ртом и

разбитой губой, но все еще стоящим на ногах в стойке.

– Хорош, хорош!

– Пойдем лучше бухнем! – кто-то из непрошенных гостей уже по-корефански повел меня к импровизированному столу.

– Красава, а ты на ногах умеешь стоять! – меня уже подбадривал один из них. – Давай, за тебя!

Водка жгла рассеченную губу, голова шумела от пропущенных ударов, но кто-то из новых «корефанов» все подливал и подливал мне.

Так прошли еще пара часов за «столом примирения»...

– А ты чё завелся-то? – участливо спросил сосед.

Я молча повернул голову, но ничего не сказал, в голове дико шумело.

– Да тебе спать уже пора, – деловито сказал он, – пойдем провожу.

Я поднялся, посмотрел в сторону палаток и поддерживаемый новым приятелем поплелся от стола.

– Куда вы его повели? – откуда-то издали прозвучал тревожный голос одноклассницы.

«А Аня молодец!» – я сквозь туман узнал ее голос.

– Тебе что, больше всех надо? – кто-то из пришедших сразу же закрыл ей рот.

Не пройдя и половины пути до палаток, недавний сосед по столу остановился:

– Давай передохнем.

Мы встали.

И к нам со стороны поляны потянулись еще несколько пришедших.

Сильный удар под дых прилетел неожиданно, согнув меня пополам. И сразу же посыпались новые...

Кто-то из одноклассников попытался что-то прокричать, но их быстро заткнули.

Не в силах устоять, я упал на колени и пригнул голову к земле, обхватив руками. Трое или четверо.

Я уже не мог понять, сколько людей меня били. Нещадно и жестоко. По худому и жилистому телу в ход пошли уже удары ногами.

И если корпус это еще выдерживал, отвечая гулким звуком, то пинки в голову отдавались снопами искр и резкой болью.

– Смотри, с...ка, крепкий, никак не вырубается, – шакалы уже подустали, и избиение прекратилось.

– Пойдем передохнем, заодно накатим.

– Твари, с...ки, – окровавленные губы беззвучно бормотали вслед уходящим отморозкам.

Подождав, пока те удалятся к свету костра, я попытался встать.

Глухая боль накатила со стороны подреберья, а голова предательски закружилась.

«Надо уходить! Иначе добьют. Только бы не упасть в обморок», – мысли путались, и я полуползком на полусогнутых

ногах в темноте побрел в ночной лес.

Отойдя достаточно далеко, опустился на землю и прислонился к какой-то березе.

Пролежав в полудреме несколько часов, еще в утреннем полумраке направился в сторону поселка.

Родители еще спали, и чтобы не шокировать их своим видом, я забрался на чердак пятиэтажки, в которой мы жили, и уже там отключился на несколько часов.

Проснувшись, спустился с чердачной лестницы на пятый этаж и, держась за поручни, еле преодолел пролет и наконец попал в свою квартиру.

Предусмотрительная мама оставила ключ под ковриком, не зная, взял ли сын свой.

«Спасибо, мама!» – войдя домой, я сразу направился в ванную.

Осматривая себя после ночного приключения, на минуту впал в панику. Кровоподтеки и синяки на теле еще можно было закрыть одеждой, ребра тоже вроде были целые. Но что делать с лицом? Рассеченная бровь и в нескольких местах губа, разбитый нос, заплывшие глаза, но самое неприятное – багрово-красный синяк практически во все лицо, переходящий также на всю внутреннюю поверхность рта.

«Зато зубы целы», – злясь на себя, я уже обдумывал, как буду ходить в школу и продолжу встречаться с девушкой, с которой совсем недавно познакомился.

Внезапно в голове всплыла недавняя история,

случившаяся с одним из студентов-первокурсников. Он приехал в поселок на выходные к родителям и встретил вечером на площадке детского садика под окнами дома, где я жил, компанию недавних одноклассников – ребят и девочек, цедящих пиво и покуривающих сигаретки.

Вспомнил, как их судили всем поселком, а потом парня, всегда отличавшегося хорошим поведением и отличными оценками, хоронили в закрытом гробу. Хоронили всем поселком...

Потому что подонки на веранде, мимо которой проходил студент, полные злобы на свою никчемность, сначала подзавав его к себе поздороваться, стали избивать всей толпой.

Причем наряду с пацанами в этом принимали активное участие и несколько девчонок.

А потом, на уже умершего, прыгали с поручней детской площадки, ломая ему ребра и раскалывая череп.

«Ладно, в следующий раз будешь думать, с кем за столом сидеть», – я немного успокоился и принялся дальше сочинять, что сказать родителям, своей девушке и, как и когда идти в школу с таким фейсом...

А на следующий год, когда выпускной в школе совпал со свадьбой родной сестры в Тюмени, я даже не сомневался.

Решение было принято сразу – сидеть за столами и веселиться с одноклассниками, которые не смогли вступить в ту ночь, как-то не очень хотелось, а свадьба намечалась интересная.

И я не пожалел.

Будущий муж сестры работал в одной из структур «Лукойла», имел среди коллег и руководства неплохой авторитет, да и друзья у него были стоящие. По крайней мере, на тогда у меня не было ни одного знакомого, на кого можно было бы хоть в чем-то положиться.

Свадьба была солидная и веселая, мне нравилось наблюдать за ребятами, старше меня на десять-пятнадцать лет, серьезными и уверенными в себе.

Особенно запомнился момент, когда ко мне подошел один из гостей и завел разговор про Омск.

Я, хотя и родившийся в Омске, но выезжавший из поселка не более двадцати раз, был очень удивлен, когда человек, объездивший всю Россию по работе, искренне говорил, что Омск это самый красивый город, который он видел, со своей уникальной энергетикой и людьми, крайне порядочными и волевыми.

Тогда это казалось чем-то далеким и непонятным, пока в скором времени я сам не переехал учиться в Омск, где и остался, создав семью и воспитав троих детей.

Вот так и получилось, что пока одноклассники отмечали выпускной, я гулял на свадьбе своей старшей сестры. Сестры, с которой позже жизнь свяжет меня не только кровными, но и узами неоплатного долга за спасение утонувшего и непостижимым образом вернувшегося к жизни старшего сына.

Тогда я заглянул во взрослую жизнь, где есть понятия слова и крепкой дружбы.

Студент

*Студенчество, кому-то бремя и обуза.
Тебе же время перемен.*

В тот же год я поступил в Омский государственный институт сервиса на специальность «экономика и управление на предприятии».

Правда, жизнь в Омске давалась крайне тяжело. На тот момент мама продолжала работать учителем математики и на свою мизерную зарплату тянула двух несовершеннолетних детей и студента, еще пытаюсь помогать старшим. Отец же, трудясь на одном из заводов, зарплату деньгами не получал больше года, а редкие выдачи происходили «натурой» – то колбасой, то тушенкой. Вот так и приехал я в Омск – в кофте на случай осени и будущей весны и легком пуховике на зиму. С парой банок солений и варенья и ведром картошки.

Как не городскому, мне предоставили комнату в общежитии, соединенном теплым переходом с основным корпусом.

Заселили на восьмом этаже.

И буквально на второй день я по самую макушку опять окунулся во взрослую жизнь.

Учитывая наличие в институте очень многих «творческих» направлений, какое-то количество ребят было толь-

ко на экономическом факультете, и почти все – городские. Большинство учащихся остальных факультетов составляли девчата. Поэтому в девятиэтажном общежитии жило не больше пятнадцати ребят со всех курсов. Так и получалось, что к нам постоянно нахаживали разные ухажеры, и кто-то из них приобщился к костяку местных.

Причем компания, в которой впоследствии я стал постоянно проводить время, в том числе за столом с закуской и выпивкой, была весьма разношерстной.

Здесь были спортсмены, кадеты, сотрудники разных ведомств, в том числе «силовики» и даже матерые бандиты, общавшиеся и сохранявшие дружеское перемирие в общем для всех месте.

Тогда как раз произошел конфликт между кем-то из местных и несколькими случайными приезжими, закончившийся серьезной дракой и избиванием первого.

«Ответка» не заставила себя долго ждать, и на следующие выходные ту же приезжую компанию отловили и серьезно проучили.

И Леха, впоследствии лучший корефан студенческой общаги, одного из отловленных фраеров смачно приложил лицом о ребристую чугунную батарею.

Впоследствии я довольно близко сошелся с этим непростым парнем, старше меня почти на двадцать лет. Леха, полный отморозок по всем понятиям, мог запросто показывать в коридоре пригоршню небольших

бриллиантов после «выноса» очередного ювелирщика и весело спрашивать у меня, ничего не понимающего студента-первокурсника, куда их можно деть.

Или искренне радоваться новенькой «девятке», отжатой у какого-то терпилы.

Драчун-кулачник, он периодически ввязывался в свары в кабаках или ходил на разборки в одиночку по любым поводам.

– Прикинь, захожу я к одному терпиле за должком, а он не один. Сидит сам в кресле, съезжился, а какой-то фраер стоит рядом с нами в зале и рубашку утюгом наглаживает. Я ему говорю про долг, а он зырк на своего кореша у меня за спиной. Тут я и понял, что не так – утюг-то не включен был, розетка на доске и лежала. Хорошо, успел повернуть голову – просто бровь с...ка рассёк.

– И что, должок-то отдали? – Я с улыбкой смотрел на искренне недоумевающего кореша.

– Ни хрена. Зато обоих ухандокал.

Только никто не знал, что приезжие были «непростыми».

И как раз, буквально за неделю до моего заселения, к общаге подкатило несколько тонированных автомобилей с представителями городских ОПГ.

Они стали прочесывать общежитие, отлавливая и избивая любого попавшегося мужика. Но местные очень быстро сгруппировались и началась массовая драка – бились практически на всех этажах.

Кого-то из местных пытались выкинуть из окна.

Подоспевшая пара местных ребят, которые отвлекли немного удар на себя от квадратного Анрюхи по прозвищу Душа, окровавленного, но еще стоящего на ногах и пытавшегося отмахнуться из последних сил от нескольких противников, которые уже стали подтаскивать его к коридорному балкону, чтобы выбросить с девятого этажа.

Палки, кастеты, ножи. Все пошло в ход.

Но драка закончилась так же внезапно, как и началась – с прибытием сотрудников правоохранительных органов, которые не церемонясь ломали дубинки обо всех попавшихся в коридорах общаги, а затем грузя их в «воронки».

Всех, кроме местных (пацаны мгновенно распределились по комнатам девчат, чтоб переждать, пока сотрудники уйдут).

Хотя среди нагрянувших силовиков уже деловито ходили несколько местных в гражданской одежде, местами порванной и в крови (также действующих сотрудников, приехавших к своим девушкам и всюю поучаствовавших в «обороне» спина к спине с местными хулиганами, образовав общаговское сообщество).

Как только общага была «зачищена» и все разъехались, оставшиеся в коридорах пацаны, пусть и подраненные, но с «корочками» и злостью на беспредел, быстро подали сигнал. Тогда все, кто был способен стоять на ногах, выскочили из комнат подруг, и устроили повторную, но более тщательную зачистку – на черных входах и чердачных лестницах, в ком-

натах приема пищи, душевых и туалетах.

И те немногие из нагрывавших приезжих, которым повезло слизнуть, очень сильно пожалели, что не сдались сами.

– Я тебя сейчас пид...ть буду! – Серега Фил увесистым ударом сбил с ног одного из прятавшихся на запасной лестнице гостей.

– Дяденька, дяденька, не надо! Я больше не буду! Простите меня, пожалуйста!

Сквозь кровь из разбитого рта, сопли и слезы недавний противник бросился в ноги Сереге, который вряд ли стал бы всерьез глумиться над поверженным врагом.

Его и бить дальше стремно было...

А потом, через несколько дней, когда все поулеглось, приезжие назначили встречу и уже менее многочисленной и более мирной компанией опять приехали в общагу.

Вот так и попал я в свои восемнадцать лет в первую неделю самостоятельного проживания на «стрелку». Проходила она за раздвижным столом в одной из комнат на верхних этажах и сопровождалась двумя трехлитровыми банками пива, и представители каждой из сторон, «выкруживая» свой интерес, пытались на чем-то сойтись.

Закончилось часиками, разбитыми у кого-то из приезжих при «ответке» общаговцев.

Часики тут же «перекрылись» выбитыми зубами у местного, попавшего под раздачу в первый раз.

На том и порешили.

Запили свежим пивом.

Ничья.

Расходясь, обнимались и братались, а я увидел и приметил для себя очень простую вещь – даже не являясь друзьями по жизни, нормальные люди, пусть даже с разношерстной биографией, способны объединяться и отстаивать свою правду.

При любом беспределе, и очень часто на первый взгляд в неравной драке, особенно у себя дома – одерживать верх.

А прожив в общежитии несколько месяцев, я уже ничему не удивлялся.

Когда тот самый Леха выскочил на улицу за сигаретами, а приполз весь в крови с серьезным ножом в спине.

Когда кадеты, пришедшие в одно время с блатными к одним и тем же девочкам в соседней секции, избili до неузнаваемости оставшегося соперника, когда его двое корешей пошли за закончившимся спиртным.

А потом, быстро попрощавшись, убежали из общежития.

Когда вернувшиеся блатные, вместо того чтобы оказать какую-то помощь приятелю, лежавшему на кухне в своей крови в беспамятстве, рванули вниз, видимо, думая нагнать кадетов, но нарвались на зашедший погреться в общежитие патруль патрульно-постовой службы.

И сами в мгновение ока превратились в бесформенные тела из месива мяса и крови с чем-то, напоминающим голо-

ву, и были погружены в милицейский «пазик».

А вахтерша, видя вытянувшиеся лица спускающихся за сигаретами студентов и посматривающих на две длинные и широкие кровавые полосы в сторону выхода, испуганно рассказывала какую-то нескладную историю про двух поросят, которых кому-то привезли из деревни и тащили волоком, залив всё фойе кровью.

А сидя за столом жарким летним вечером с другими приятелями в комнате у третьекурсника, долго не мог понять, откуда у них по всему телу и на руках мелкие шрамы.

И понял, только когда товарищи, уже достаточно «приняв на грудь», начали дурачиться, спарингуясь друг с другом кухонными ножами, а потом опять сели за стол и стали считать по новым порезам, кто проиграл.

Много чего было.

За первый год жизни в общежитии я узнал столько и в таких цветах, что недавнее в целом беззаботное детство стало казаться какой-то сказкой.

Но вместе с тем бешеными темпами получал «другой» опыт. Чтобы знать...

Как, например, когда узнал про клофелинщиц.

История, когда двое взрослых ребят из «чужих-своих» на какое-то время «потерялись», а потом рассказывали, как съездили в соседний город, где в первый же вечер остались на лавочках без документов, денег и вещей после встречи с «классными телками» в баре.

Когда один из них, держа рюмку в руке, угрюмо рассказывал, как они нашли где-то топор, зашли в подъезд многоквартирного дома, куда вроде накануне заходили после бара с девушками.

Как перерубили все провода, чтобы никто не смог вызвать милицию, и вынесли деревянную дверь вчерашней «гостеприимной» квартиры.

Как кричала одна из шмар, пока они вырубали дверь в туалет, где она заперлась, а потом, положив её голову на унитаз, наступив ногою на шею и не опуская топор, интересовались, куда делись их вещи.

И как после этого нагрянули на квартиру, где собирались вместе с добычей девушки и их «ребята»...

Но опыт опытом, а каждый раз наступало новое утро, и опять начинались учебные пары, какие-то интересные, а какие-то не очень.

В студенческую жизнь я влился довольно быстро.

Только вот держался в стороне, приглядываясь к происходящему и одноклассникам.

Правда, это не помешало мне на одном из первых занятий по физкультуре послать матом неадекватного физрука за брошенный мне в голову баскетбольный мяч. Да так, что невольно отправил меня в условный нокдаун, только на ногах, когда на секунду я потерял чувство реальности, пытаюсь заново «собрать» пространство перед собою из пляшущих искр в глазах.

Уже было пошел на ухмыляющегося хамоватого преподавателя с одним желанием – перебить ему ноги.

Но быстро одумавшись, что за это можно и вылететь из института, и успокоился.

К тому же было где выплескивать эмоции – я как раз стал ходить на кикбоксинг, с огромным удовольствием «накатывая» и «набивая» себе кости на голени, чтобы можно было без боли пробивать лоу-кик по ногам соперников на спарринге.

Учиться дальше без риска быть отчисленным за непосещение физкультуры помогло увлечение с детства настольным теннисом и запись на одноименную секцию в институте.

Даже с периодическими выступлениями на соревнованиях.

И в будущем, уже пойдя на праздник посвящения в студенты, я старался держать себя в руках, контролировать, кто и с кем пьет, а как только празднование переросло в гудеж, уехал домой.

И лишь на следующий день понял, что все правильно сделал – кто-то опять подрался, а один отчаянный парнишка, отчисленный после инцидента уже через несколько дней, все-таки врезал в глаз заместителю декана, поставив ему огромный фингал.

Нужно было сосредоточиться на другом – как-то себя одевать и кормить, да и в каждый свой приезд в поселок хотелось привезти какой-нибудь подарок своей девушке и сладо-

сти младшей сестренке.

Учась по принципу «нравится предмет – отличник, не нравится – хоть бы на тройку натянуть», я параллельно старался подрабатывать.

Менеджер

Учась – учись, не забывая о себе и жизни.

Первый год прошел в пробах себя, а уже на втором курсе я устроился менеджером в филиал совместной российской и иностранной компании, специализирующейся на туризме, в том числе через систему [таймшер](#).

Проявил себя и за короткое время добился одних из самых значимых результатов в работе.

Уже через полгода, когда приехал один из иностранных владельцев, мне предложили поехать в Тюмень открывать еще один филиал, как одному из лучших сотрудников омского отделения.

Но я отказался, понимая, что всех денег не заработать, а переезд мог поставить жирную точку на обучении.

Да и текущая учеба стала хромать.

Взвесив все за и против, встретился с несколькими топ-менеджерами компании, обозначив, что у меня не получается совмещать учебу с работой, и, получив обратную связь в виде уважения принятого решения, уволился.

Но дружеские отношения остались, и те самые руководители ключевых направлений, которые буквально несколько месяцев назад уговаривали меня остаться, при очередной встрече рассказали довольно неприятную историю, случив-

шуюся практически сразу после моего ухода.

А произошло то, что часто происходит, особенно в нашей стране. Как только возникает возможность заработать хорошие деньги, появляются люди, непременно желающие на этом нагреть руки.

Так получилось и здесь.

Директор омского филиала – спокойный и фактурный мужчина на седьмом десятке, размеренно руководил компанией, выполняя и перевыполняя план, собирая в Омске валюту с будущих туристов и отправляя иностранным партнерам по туризму через головную компанию в Москве.

Все было хорошо.

Люди платили, летали отдыхать, пользовались всеми преимуществами одного из мировых туристических продуктов.

Пока за спиной директора не начал плести интриги его заместитель.

Как рассказали ребята, в одно утро шефа нашли дома мертвым.

Явных следов насильственной смерти не было, но слухи разносились быстро.

Да и здоровый и бодрый директор никак не мог просто умереть в постели во сне.

Дальше ситуация стала закручиваться по спирали.

Бывший заместитель очень быстро взял все в свои руки, назначив себя на пост директора.

Стали задерживать заработную плату сотрудникам, а пла-

тежи в Москву по оплаченным туристическим продуктам где-то потерялись.

И меньше чем за полгода компания погрязла в долгах, скандалах, филиал осаждали толпы обманутых клиентов.

Развязка произошла практически мгновенно.

Ряд топ-менеджеров компании и инициативных сотрудников составили коллективное обращение и попросили нового директора дать письменные объяснения происходящим событиям.

Тогда же из офиса было вывезено в неизвестном направлении почти все дорогостоящее оборудование и техника, а новоиспеченный шеф следующий день объявил выходным и вызвал инициативную группу на стрелку в центральный офис.

А дальше – как в голливудском боевике...

Вместе с одним из топов в офис вошли несколько передетых сотрудников одного из спецподразделений.

За большим столом вместе с директором сидела большая группа братков – плотных и спортивных ребят, вальяжно развалившихся на стульях.

– Ну что, терпила, все-таки пришел? – новоиспеченный директор мгновенно перешел на блатной жаргон. – А это кто с тобой, что-то никого знакомых не видно? – он осмотрел неизвестных гостей.

– Друзья, – коротко ответил топ.

И еще раз жизнь показала, что любой враг при виде ко-

мандной согласованности зачастую не делает резких движений, предпочитая взять паузу для обдумывания дальнейших действий.

– Пойдем ко мне в кабинет, эти пусть с остальными подождут, – сказал директор, кивнув на делегацию.

Они удалились в сопровождении нескольких братков.

Спустя несколько секунд за закрытой дверью раздались крики, звон разбиваемого стекла, шум ломающейся мебели, глухие удары падающих на пол тел.

И следом за ними в кабинет влетела группа бойцов в камуфляже и масках. Последнее, что запомнил топ, был удар в челюсть прикладом автомата.

– Это же наш, – из темноты стали доноситься голоса.

Кто-то начал похлопывать его по щекам, приводя в сознание.

– Ты извини, если что, – резанула слух знаменитая мультяшная фраза, произнесенная одним из переодетых сотрудников в окружении ребят с автоматами.

– Там просто некоторые за стволы попытались схватиться, пришлось всех без разбору «укладывать», вот и не успели разобраться, кто свой, а кто чужой. Так что разговор получился коротким.

Топ, немного придя в себя и выбравшись в общее фойе, увидел результаты «разговора».

Перевернутая и частично сломанная мебель, братки на полу в наручниках лицом в пол, прохаживающие между ни-

ми люди в камуфляже с автоматами.

Кто-то стонал, видимо, это и были те, кто попытался вско-
чить и оказать сопротивление.

Следом из кабинета вывели в наручниках уже бывшего
директора.

– Мы еще поквитаемся, – буркнул тот, метнув на топа злой
взгляд...

Спустя пару дней на безлюдной вечерней набережной к
двум прогуливающимся сотрудницам компании подъехала
тонирующая машина. Когда опустилось заднее окно, дев-
чата уже попрощались с жизнью.

– Вы только не орите, – очень вежливо и спокойно произ-
нес человек из темного салона. – Передайте своим, что к вам
претензий нет. Спрос будет с вашего бывшего директора за
то, что он всю эту карусель устроил.

Окно закрылось и машина, взвизгнув шинами, резко
умчалась вдаль от побледневших девчонок.

Больше о бывшем директоре никто не слышал, а топы и
сотрудники компании еще долго перешептывались, узнав,
что положенная у них в офисе братва была из состава одной
из самых могущественных в Омске ОПГ.

Охрана

Ох, рано встает охрана...

Шел 1996 год. Я окончил второй курс института.

И летом сделал предложение своей девушке, с которой встречался уже долго.

Только свадьбу решили делать через год. На удивленные взгляды родителей я кратко изложил свою позицию.

– Свадьбу я хочу сделать сам, я хорошо знаю, каково вам сейчас.

У родителей невесты и на самом деле ситуация была не из простых, мизерные зарплаты задерживали на полгода-год, а кроме дочери у них было еще два младших сына.

– Поэтому я прошу вашего согласия на свадьбу. Но у меня есть одна просьба – я хочу, чтобы она переехала жить ко мне, так и вам легче будет, и мне больше времени останется на работу.

Предварительно согласовав с бабушкой, у которой в частном секторе я снимал маленькую проходную комнату в пять квадратных метров, «убедил» ее внука, жившего в соседней комнате и однажды попавшегося на воровстве небольшой суммы денег, переехать в свою бывшую комнату.

Заколотив проходную дверь, я прорубил новую из старой комнаты внука в коридор и привел невесту в это жилище.

– Заходи, обустройствайся, здесь нам двоим места хватит!

Комната и на самом деле была шикарная. Порядка восьми квадратных метров! Здесь можно было и телевизор свой поставить, который как раз отдала старшая сестра.

За ним потом я вместе со своей девушкой и поехал в Тюмень, заработав денег на билет на лепке и продаже пельменей. Мы до позднего вечера раскатывали тесто и лепили десятки и десятки килограммов пельменей. В институте пацаны иногда косились на мои руки, которые никак не сочетались с телосложением. От бесконечного раскатывания теста они превратились в лапшицы с неестественно огромными ладонями Халка.

Вот тут и произошло так называемое счастливое совпадение, когда за год нужно было заработать денег на свадьбу, а «пельменный бизнес» вряд ли мог это обеспечить.

Однажды, посетив профильную больницу, прикрепленную к институту, я присел на лавочку на улице Ленина.

Глядя в синее небо и наслаждаясь солнечным днем, увидел проходившего мимо Анатолия – начальника охраны бывшей туристической компании.

– Серый, привет! – тот почти одновременно заметил меня.

– Толян, здорово! – я встал с лавочки, сделал шаг навстречу, и мы искренне обнялись, похлопав друг друга по спине.

– Ну как ты, куда пропал, чем занимаешься? – Я пользовался уважением у многих в компании, и Толян с неподдель-

ным интересом стал расспрашивать о моем житье-бытье.

– Учусь, ты же, наверное, в курсе, что у меня пошли зава-
лы по учебе, вот и пришлось уволиться. Сейчас пока нигде
не работаю. Ну а ты сам-то как, как контора?

– Компании больше нет, ты вроде должен знать, как там
закрутилось. Все ваши разбежались кто куда. Ну а я сейчас
возглавляю службу безопасности здесь же рядом, у нас два
больших музея и один комитет в городской администрации.
Так что выше меня только Бог, ну и, конечно, мой шеф –
Александр Борисович.

Толян на секунду задумался.

– А ко мне работать пойдешь?

Вопрос застал меня врасплох.

– А кем? – все же спросил я.

– У меня как раз в комитете уволился второй сотрудник,
работа сутки через двое, днем на посту, ночью делаешь обхо-
ды. Могут, правда, перебрасывать на другие объекты или вы-
зывать на разовые задачи, в том числе на инкассацию. Кста-
ти, зарплата с премией почти 1000 рублей в месяц. Правда
есть задержки. Ну как?

У меня даже немного помутнело в голове. Вот он выход
по деньгам на свадьбу. Да и сумма была, мягко говоря, вну-
шительная – отец, работая на заводе, в то время получал с
годовой задержкой чуть больше 200 рублей в месяц.

– Толян, спасибо, я согласен!

«С учебой, правда, нужно будет совмещать, но что-нибудь

придумаю», – подумал я.

На работу в комитет я вышел со всей «экипировкой», прихватив даже газовый пистолет и короткую увесистую трубу, обмотанную изоляцией в месте предполагаемой рукоятки.

Толян, увидев мое снаряжение, только усмехнулся.

– Здесь комитет по культуре и искусству, и люди соответствующие приходят. Так что ты это спрячь. Если очень хочется, бери с собой во время ночных обходов. А начеку нужно быть только пару дней в месяц, когда в кассу привозят аванс и зарплату.

Борисыч

*Коль не струхнул и устоял на месте,
Ты уважение снискал.*

На следующий день я с самого утра подписал необходимые документы в конторе и Анатолий провел меня знакомиться с напарником Виктором, сорокалетним интеллигентным и спокойным мужчиной, у которого я и стал проходить краткую стажировку.

Представили меня всем сотрудникам службы, объяснили внутренние правила и регламенты, показали систему охраны и прочие тонкости.

И уже через несколько дней я приступил к своей работе.

Вторым напарником был Коля, здоровый и крепкий бывший морской пехотинец, недавно вернувшийся с контрактной службы в армии.

С Николаем сразу завязалась дружеские отношения, и мы в будущем не раз выручали друг друга с подменой на дежурстве.

Прошел первый месяц, и принесли первый квиток за отработанный месяц с окладом и солидной премией.

Пусть еще не «живые» деньги, но уже заработанные!

Так в легкой эйфории от нормальной и высокооплачиваемой работы прошло еще несколько недель.

Заканчивался второй месяц, когда одним утром в мою смену в здание вошли несколько человек – здоровый и накачанный старший в костюме и несколько мужчин, которых я уже раньше видел в конторе.

– Меня зовут Александр Борисович, – представился он и предъявил служебное удостоверение. – Я непосредственный руководитель Анатолия и о нем, собственно говоря, хотел с тобой поговорить.

– А зачем мы будем говорить о человеке в его отсутствие? – не понимая, что происходит, я пытался тянуть время для анализа явно нестандартной ситуации.

– Не дерзи, молод еще. Ребята сейчас тебя подменят.

Вместе с шефом мы прошли в небольшую комнату охраны, и я закрыл дверь.

– В общем, слушай меня внимательно! Анатолий уже длительное время крышует своих ребят, забирая у них часть премиальных. Твой напарник Виктор все письменно подтвердил вместе с еще несколькими. Я хочу и тебя попросить, чтобы ты мне рассказал и написал о ваших с ним договоренностях по мзде. Работа у тебя хорошая, высокооплачиваемая. Так что все расскажешь, и работай дальше на здоровье.

– Ну, во-первых, с Анатолием у нас не было никаких договоренностей, во-вторых, это именно он устроил меня сюда, и из чувства благодарности и уважения к нему мне неприятно в его отсутствие что-то домысливать, и, в-третьих – давить не меня не нужно!

– Ты что, совсем охренел! – шеф покраснел и даже невольно сжал здоровые руки в кулаки. – Щенок, да ты у меня вылетишь отсюда вслед за ним!

Я молча стоял и слушал, не зная, что сказать человеку, который в один миг мог разрушить мои планы на своевременную свадьбу.

– Короче, завтра после дежурства я жду тебя у себя в кабинете. И попробуй только забыть! – он матюгнулся и вышел, сильно хлопнув дверью.

Следующим утром я задумчиво и неторопливо направился в находящийся недалеко офис, прокручивая возможные варианты.

«Толян со мной разговора по возврату ему части премии не заводил. Но и зарплату еще не давали, хотя он сам о задержке предупреждал. Может, конечно, при получении он бы и намекнул, но что-то внутри подсказывает, что он бы не стал, по крайней мере, не мне. И что это может значить? Проблема на самом деле есть, или шеф решил за чем-то убрать Толяна, припугнув нескольких сотрудников увольнением? По крайней мере, вчера при передаче смены напарник Виктор и вправду был не в своей тарелке, постоянно отводил глаза в сторону и практически не разговаривал. Значит, и меня решили прессануть за компанию. Что делать? По вчерашнему поведению совсем мало знакомого шефа можно было сделать вывод, что слова «НЕТ» он не знает. Значит, выбор невелик: или сразу заставит написать за-

явление по собственному желанию, тем более что я и так на испытательном сроке, либо сначала предложит накатать на Толяна подставу, а если откажусь, то все равно первый вариант. Ничего писать я точно не буду, Толян мне ничего «кривого» за все время не сделал, а неблагодарность за его дела для меня, это самое поганое дело. Короче, будь что будет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.